

Ответы рейтинговых архитекторов Иркутска на вопросы журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ»

Архитектурный мир живет активной творческой жизнью. Иркутские архитекторы являются хоть и заброшенной «во глубину сибирских руд», но все же неотъемлемой частью этого мира.

Как они чувствуют и как позиционируют себя на фоне мировых метаморфоз, пытается выяснить журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ», предложив рейтинговым архитекторам города ответить на несколько подготовленных редакцией вопросов.

1. Как нужно учить архитектуру?
2. Каким Вы видите непрерывное образование?
3. Архитектор сегодня, вчера (позавчера). Есть ли различия в статусе и сути?
4. Разработкой каких идей (направлений) озабочена сегодняшняя Иркутская архитектура?
5. Какой современный объект или какого автора (кроме себя) Вы хотели бы выделить особенно и за что?
6. Давит ли на Вас груз провинции, и в чем это (если давит) выражается?

Олег Бадула

Олег Бадула:

Каждый мастер архитектуры проходит в своей творческой жизни степень становления как ремесленника. Ремесло – инструмент в руках мастера для создания объектов, созвучных современной архитектуре. Поэтому, помимо всего прочего, в состав обучения должно входить обучение азам профессии. Этого можно достигнуть только путем расширения практики в действующих архитектурных фирмах. Как правило, студенты-архитекторы, работающие во время учебы и принимающие непосредственное участие в создании реальных объектов в архитектурных мастерских, быстрее входят в профессию, быстрее осваивают азы ремесла. Процесс обучения архитектора должен быть непрерывным, как и процесс обучения такого специалиста, как врач. Но непрерывное обучение архитектора в условиях жесткой конкуренции прежде всего вопрос самого автора. Он сам должен определять для себя творческие приоритеты и пути достижения профессиональных высот.

Если говорить о сути и статусе архитектора, я считаю, что суть не изменилась. «Польза, прочность, красота» – вот суть, которая была, есть и будет. А статус, судя по отношениям между профессиональным союзом и городскими властями, еще

достаточно низок, чтобы реально влиять на создание городской среды, отвечающей современным требованиям. В связи с вышесказанным, затрудняюсь ответить для себя на вопрос – разработкой каких идей и тем более направлений озабочена сегодняшняя иркутская архитектура. На мой взгляд, сегодняшняя иркутская архитектура скорее пытается выжить, чем «озабочена разработкой идей и направлений». И именно поэтому среди архитекторов, которых хотелось бы оценить, – авторы, у которых, несмотря на зрелый возраст, можно выделить один, максимум два, построенных объекта. И все-таки – в алфавитном порядке:

1. Борщенко – Институт инженеров железнодорожного транспорта;
2. Буйнов – Николо-Иннокентиевская церковь в г. Иркутске;
3. Жуковский – гостиница «Анастасия» в п. Никола;
4. Стегайло – Католический костел, Храм Ксении Петербургской, жилой дом на 1-й Советской;
5. Юшков – жилой дом по ул. Жуковского, жилой дом по ул. Лермонтова

И последнее: архитектура есть там, где деньги немалые. В сегодняшней ситуации, когда основные финансы сосредоточены в столице нашей Родины, трудно ожидать ощутимых результатов в развитии провинциальной архитектуры. А сама мысль о том, что положение вряд ли изменится в ближайшем обозримом будущем, является тем грузом, который давит.

Алексей Буйнов:

1. Общеизвестно, что между архитектурной школой и практикой существует ряд вполне закономерных и порой трудноразрешимых противоречий.

Весьма любопытной, кажется сентенция о том, что тот, кто умеет что-то делать, – это делает; кто не умеет собственно делать – тот учит, как это нужно делать. А тот, кто не умеет ни первое, ни второе, тот, как правило, заседает в жюри.

Но это все шутки из жизни

и, а если говорить серьезно, то процесс обучения архитектуре должен быть действием прежде всего комплексным, и собственно архитектурные дисциплины в этом процессе, очевидно, будут являться преобладающими.

И тут появляется первый вопрос: «Кого же, собственно мы хотим воспитать?» Обычного исполнителя-рисовальщика, архитектора среднего звена или, потенциально, того самого Мастера.

Если говорить о последнем, то получается, что слишком многому человека нужно учить. Я даже не о профессиональных знаниях, хотя и это очень важно, – архитектор должен уметь слушать и говорить, обладать знаниями прикладной психологии, владеть иностранными языками, иметь навыки руководителя и преподавателя – да просто иметь очень серьезный интеллектуальный и культурный уровень, не говоря о таких вещах, как умение находить общий язык с огромным количеством людей, уметь объяснять и воздействовать и пр., и т.п.

Ну а мы же – шесть лет «галопом по европам», не всегда отдавая себе отчет в правильности методов и последовательности своих поступков. Я знаю, о чем говорю – сам преподаю в вузе архитектурное проектирование.

На все это накладываются весьма специфические отношения между преподавательским составом школы. Разный уровень подготовки, и, чего греха таить, собственно, разный уровень в умении рисования этих самых домиков. Можно добавить наличие слабой материальной базы, старые и убогие (не все) методические пособия, отвлечение студентов на различные общественные и околообщественные мероприятия, а также работа на наполнение кошелька дорожайшего преподавателя.

Самое странное, что уровень этих «халтур» зачастую настолько низок, что просто нет слов. Вернее, они есть, но это очень специфические слова. Вот такой вот у нас на данный момент процесс обу-

чения архитекторов, и менять в нем надо очень много, и как можно быстрее, потому как следствием его является процесс ухода молодежи из профессии (по завершению учебы).

Результатом нынешнего учебного процесса является практически полное незнание и непонимание выпускниками вуза вопросов – куда он идет, зачем, для чего им надо все это или не нужно вообще.

А как учить? Да это-то как раз элементарно – архитектору может учить и научить только Мастер. Все остальные, извините (никого не хочу обидеть) всего лишь, помогают ему в этом процессе. И жаль, что мало у нас теперь мастеров, и не каждому они попадают на его жизненном пути.

2. А у нас вся работа – непрерывное образование. Любый новый проект, конкурс или просто эскиз ведет к знакомству с огромным количеством документов, норм, правил, аналогов. Всю жизнь архитектор учится смотреть и видеть, показывать и доказывать.

Профессия не дает стоять на месте, знание законодательства, политических процессов, да просто элементарных новостей – это то, без чего жить нельзя.

Это как самолет, который, даже если летит на одной высоте, все равно летит немножко вверх, потому как вынужден преодолевать силу земного притяжения.

Попытка лететь просто параллельно земле приводит только к одному – к падению. Поэтому настоящий архитектор никогда публично не скажет о себе, что он законченный Мастер.

Не помню, кто это сказал, но в свое время мне очень понравилась фраза о том, что законченными (извините) могут быть только придурки.

3. Архитектор позавчера – элита Императорского инженерного корпуса, если хотите – каста.

Человек, априори вызывающий всеобщее уважение, почитание и где-то, наверное, зависть. Наличие соб-

Алексей Буйнов

ственного мнения, обширнейших знаний и масса других плюсов, существенно отличающих его от изрядного большинства других членов общества.

Вчера и сегодня – нивелирование значимости профессии (тому масса объективных и субъективных причин политического и экономического толков), большая доступность в получении образования и, увы, его низкое качество. Как следствие, понижение профессионального статуса, склонность к принятию политических решений и замена личной позиции на общественную.

Архитектор завтра – хотелось бы снова вернуться к пункту первому, только на новом уровне.

4. Сегодняшняя иркутская архитектура практически не озабочена вопросами градостроительного характера, формированием собственной территориально-нормативной базы – в общем, каждый за себя.

Союз архитекторов фактически расколот – все отношения выясняем и никак не можем выяснить. Все остальные заботы стандартны: сроки, деньги, совершенствование профессионального уровня себя любимого и т.д. и т.п.

5. Количество приятных открытий в творчестве зарубежных коллег прямо пропорционально количеству поступающей информации – говорить можно много и о разном. А если о наших, то очень понравилась конкурсная работа по реконструкции застройки территории бывшего судостроительного завода в Улан-Удэ, получившая на конкурсе третью премию. Там работал творческий коллектив под руководством Е.И. Григорьевой.

Я искренне позавидовал мастерству авторов, изяществу принятого решения и, в конце концов, просто культуре подачи. Да и руки макетчиков, надо сказать, были золотыми.

Очень красивый проект жилого дома был представлен на фестивале «Зодчество Восточной Сибири 2005», автора С. Муллаярова. Классная работа.

Здесь, конечно, можно сказать, что родственников хвалю... Да хвалю, а почему бы и нет, если работы того стоят. А потом – восприятие

любого человека субъективно, и, что называется, можно спорить.

6. Смотри что понимать под словом провинция. Если сам город – то нет, город у нас замечательный, хотя места местами впечатление производит удручающее.

А если говорить о людях, которые меня окружают, то тем более нет.

Мне повезло, вокруг меня очень интересные люди, у меня замечательные друзья.

У каждого, правда, свои «тараканы» в башке, но, как известно, столичные «тараканы» всегда больше тараканов провинциальных.

Елена Григорьева:

Такие серьезные вопросы перед Новым годом. Главное – не стать мобил-дробилом. И не жаловаться на жизнь.

1. Качественно. Какими средствами достичь качества? – привлекать к преподаванию практиков с опытом и талантом; обеспечить возможность общения с ведущими российскими и зарубежными практиками и теоретиками; практика в проектных бюро Иркутска, Москвы; Интернет. И все это в той или иной степени делается в Иркутске.

Не забывать о том, что можно рисовать и руками.

Увеличивать набор количественно – показатель число архитекторов на 10000 жителей в России (знаем о проблеме площадей в ИргТУ) ничтожен, отстаем; и улучшать качественно: злоупотребление коммерческими приоритетами при отборе заведет (и уже заводит) нас в тупик – снижение уровня и отток из профессии при первом же поводе. Преданность профессии – ее вряд ли можно ожидать от профнепригодных.

Обратить особое внимание на знание технологий – доскональное, как если бы строить своими руками. Кажется, в этом наше поколение сильно проигрывает предшественникам и зарубежным коллегам.

Менеджмент и законодательство не преподаются или даются в недостаточном объеме.

Надеюсь, преподаватели-практики ответят конкретнее.

А вообще – архитектуре

надо учить всех граждан. В школьную программу, говорят, вставить ликбез по архитектуре невозможно – и так перегружена. Почему нет популярной программы об архитектуре по самому массовому из всех СМИ – телевидению? Ведь смогли же сделать очень интересную и довольно информативную передачу «Квартирный вопрос» по интерьерам квартир. Просвещение необходимо.

2. Дошкольное и Школьное – произвольная программа.

Обязательная программа – вуз и интернат (в России ее пока нет, но в некоторых странах существует, и Комиссией по профессиональной практике МСА расценивается как тенденция).

Далее – постоянное и обязательное совершенствование.

Семинары, мастер-классы, конгрессы, лекции, смотры-конкурсы, выставки, публикации статей об архитектурных событиях, преподавательская деятельность практикующих архитекторов. В подтверждение того, что для практикующего архитектора преподавание есть продолжение собственного образования, привожу цитату из голландца Кейса Кристиансе: «Архитектор преподает для того, чтобы собирать знания, а не распространять их. Обучая, он развивает у себя способность «скользить» по таким объемам знания, которые ни один человек не усвоил бы за целую жизнь».

Все вышеперечисленное может быть отнесено к элементам системы непрерывного образования.

Особое внимание следует уделить изучению обновляющихся технологий.

Есть ощущение, что мы отстаем не только в количестве современных технологий, применяемых в регионе, но и в те технологии, что уже пришли на наш рынок, знаем не глубоко. А ведь это инструментарий.

Законы, права и обязанности. Плохо знаем и, соответственно, позволяем нарушать права архитектора-автора и со стороны застройщиков, и со стороны чиновников – экспертирующих и согласующих, и со стороны работодателей – проектных

организаций.

3. На Конгрессе МСА в Барселоне цитировалась иерархия Бог – Король – Архитектор, после ухода открывавшего конгресс Хуана Карлоса докладчики, правда, сократили ее: Бог и сразу Архитектор. Создатель всего и создатель искусственной среды. Такого статуса в обществе профессия не имеет. Если когда и была такая идеальная модель, то утрачена и существует разве что в сознании понимающих свою ответственность профессионалов.

Однако всегда профессия считалась уважаемой и престижной. Даже в неблагоприятный советский период панельного домостроения в одном из фильмов мелькнуло народное: «Хороший человек. Архитектор, наверное».

Сейчас, похоже, наступает время, когда архитекторы становятся известны все более широкому кругу людей. Возникает такое явление, как звезды. На мой взгляд, это все же не повышение, а возвращение статуса.

Один исключительный пример этого явления есть в Вашингтоне. Национальная галерея искусств некоторое время назад получила новое крыло, спроектированное архитектором Пеем. Имя архитектора, выгравированное на стене вестибюля наряду с именами подрядчика и прочих, стало талисманом: посетители галереи непременно дотрагиваются до букв имени Пее. И будет тебе счастье. Феноменально. Фото прилагаю.

4. Обслуживание частного коммерческого интереса в ущерб общественному архитекторами и значительной частью практиков. С нарастающей агрессивностью. Такое вот интересное направление. И его уже не скроешь, впрочем, не особенно и пытаются.

Документы же МСА пря-

Елена Григорьева

мым текстом и по умолчанию говорят об обязательном служении архитектора-профессионала интересам общества.

Это главная заповедь нашей профессии. Не навреди.

Есть основание выделить как уже осуществленное направление переодевание одного и того же дома в разные одежды. Дом на набережной, Лермонтова, у «Баргузина» и на бульваре Постышева, последние разработки ИГП. Почему нет, если заказчики согласны тиражировать ставшее по сути типовым решение или колонна в центре небольшого холла не доставляет никому чувства неудовлетворенности, даже автономно. Своеобразная интерпретация «Вам завернуть?» Перро на провинциальном меркантильном уровне.

И первый абзац, и второй приводят к мысли, что главенствует меркантилизм.

5. Еще недавно – Гери. Однако трудно не прислушаться к объектам опроса HUNCHA по поводу медиагенности и подмены реального впечатления медиа-образом (ПИ №6) и репликам Бокова и Асса в дискуссии о музеях (ПР №36). Так что пока не увижу собственными глазами, поостерегусь восхищаться, а вдруг и в самом деле – полса. Люблю Аалто, Райта и Мейера. Восхищение объектами Павлова в Иркутске перебивает боль за то, как они искажаются пристройками, надстройками, неродной отделкой или неорганичным соседством. Из свежих впечатлений – финское посольство в Вашингтоне и МоМА в Нью-Йорке. Контакт, less is more и внутреннее пространство.

В нынешнем Иркутске в моем табеле о рангах по-прежнему лидирует квартал ул. Чкалова-Марата (авторы А. Макаров, С. Карпов, А. Колесников) при условии его завершения в полном соответствии с проектом, награжденным серебряными наградами Российского Зодчества и Международной Академии. Комплексный градостроительный подход, диалог с историей в масштабе пространств и в стилистике главного элемента фасада – вполне уместная непрямая цитата из деревянной иркутской архитектуры. Объект

был опубликован в первом номере журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ».

Симпатичны фасады нового дома по ул. Помяловского – Лермонтова архитектора А. Юшкова и компании (обложка №4 ПБ). Вполне контекстуальны магазин мебели, торцом выходящий на улицу Декабрьских Событий (арх. С. Демков, Н. Шерстова, С. Ставцев, ПБ №5) и здание Правовой академии по ул. Некрасова (арх. А. Буйнов, Н. Носова, В. Бызов, ПБ №4).

6. Как известно, в первоначальном значении слово ПРОВИНЦИЯ не имело того уничижительного оттенка, который появился со временем. А если и был, то носил скорее географический характер. Д'Артаньян, Гасконь, Прованс... Сейчас, когда звучит характеристика «провинциально», подразумевается «плохо, достойно захохотеться». В географическом смысле Иркутск, безусловно, провинция. Однако чрезвычайно привлекательная, бездна достоинств: природа, люди, суеты меньше, чем в столице, а расстояния теперь не такая уж и проблема. Есть и другие плюсы: «Если выпала в империи родиться, Лучше жить в глухой провинции у моря...» (Бродский). Даже море есть – все для счастья.

К глубокому сожалению многих, идет интенсивный процесс погружения славного города, некогда центра огромной губернии, в категорию захохотеться. В разных сферах, и область градостроительства – в авангарде этого процесса.

Думаю, в столицах тоже есть проблемы. Но такой неприкрытый цинизм чиновников по отношению к градостроительству, авторскому праву, общественности – это достояние провинции.

Мария Гурьева:

1. На мой взгляд, самый результативный метод обучения состоит в непосредственной работе с архитектором-практиком, который, постепенно усложняя задания, научит комплексному подходу к решению любой задачи.

А дальше все будет зависеть от конкретного человека, его работоспособности, обучаемости, мобильности и

удачливости.

2. Движение – жизнь, а бездействие подобно смерти.

Появляясь на свет, человек с первых минут начинает как губка впитывать информацию об окружающем мире.

Но с возрастом, обрстая проблемами и комплексами, становится практически закрытым от потока внешней информации. Чтобы избежать подобной участи, необходимо постоянно учиться, участвовать в профессиональных конкурсах, пополнять свой багаж знаний, искать новые интересные занятия, которые не связаны напрямую с профессией, но помогают развивать внимание, память, умение анализировать и принимать решения.

4. Иркутск – замечательный город. В его теле сплелись многие архитектурные стили и направления.

Но он был бы еще лучше, если бы каждый архитектор, проектируя, занимался бы не только творческим поиском, но и помнил о том, что существуют ответственные точки зрения градостроительства и исторически значимые места в городе. Хаотичность застройки ведет не только к потере пространственных ориентиров, но и разрушает целостность исторически сложившихся архитектурных ансамблей.

То там, то здесь появляются объекты, которые не просто «некрасивы», но зачастую не соответствуют элементарным архитектурным, конструктивным и другим требованиям.

На мой взгляд, некоторые проектировщики в последнее время просто зарабатывают деньги, особо не затрудняя себя поисками оптимального решения, что сильно отражается на качестве архитектуры.

5. «Архитектура не должна игнорировать назначение здания, а являться его воплощением». Эти слова известного архитектора Ричарда Мейера, на мой взгляд, четко и ясно формулируют основную цель, которую ставит перед собой архитектор в процессе работы над объектом. Стиль и качество работ Р. Мейера настолько упорядочены и ясны, что способны противостоять окрестному хаосу. Одной из последних работ Ма-

стера, которая произвела на меня впечатление, стала церковь «Ричард Мейер и партнеры» в римском квартале Тор Тре Тесте.

Изогнутые бетонные конструкции завершили объем здания, постепенно перетекая в просторный, хорошо освещенный интерьер.

6. Современный мир не стоит на месте. Каждый день появляются новые строительные технологии, материалы, системы автоматизации проектирования. Не секрет, что результат работы архитектора зависит не только от профессионального мастерства, но и от знания и умения пользоваться разнообразными программными продуктами.

В нашем городе очень сложно получить качественное образование в этой сфере из-за отсутствия специалистов должного уровня. Метод «научного тыка», конечно, никто не отменял, но тратить драгоценное время на изобретение велосипеда... В общем, очень бы хотелось, чтобы господа работодатели периодически вспоминали известную фразу о том, что «кадры решают все», и не боялись тратить на проектировщиков время и деньги.

Николай Жуковский:

Ну наконец-то! Вы добились своего... Одну тысячу извинений за срыв сроков, не было вдохновения ответить. Не хотел отвечать на эти вопросы принципиально, но что-то прорвало.

1. Больше всего надо учиться многообразию жизни, особенностям жизненных процессов, которые мы должны как-то организовывать пространственно. Особое внимание надо уделить «театральности» этих процессов.

Необходимо объяснить, что искусство организации пространства для людей, групп и общества, – это одна из сил, организующих Общество (градостроительство) среди юридических, экономических, политических сил на фоне культуры и морали.

Пробудить интерес к режиссуре организации любого уровня пространств, используя различные сопутствующие искусства, а далее – ремеслу использования форм, света, цвета, звука, психоло-

Мария Гурьева

Николай Жуковский

гии восприятия всего этого и т.д.

2. Пока не познано все многообразие жизни, не закончено и образование вообще. Обязательное чередование или, лучше, параллельное теоретическое (научное) и практическое (реальное проектирование) образование. Практики столько, сколько не подавит свободный творческий подход.

Подтверждение результатов – конкурсы, выставки, публичные защиты различных уровней.

3. По сути отношения общества (хуже государства) к архитектуре – и статус. Различий нет – вчера, сегодня, завтра – Чучело!

4. Сквозящая идея преодоления «Провинции» на фоне безоглядного поиска направлений (я допускаю равное наличие всяких направлений, в том числе и изделий просто плохого качества, для сравнения), на фоне виртуозного маневрирования среди мелких интересов мелких чиновников, не замечая и любя эту провинцию.

5. Идеальный геометризм и четкость архитектуры С. Калинина и А. Борщенко. Архитектурную критику (через раз принимаемая к сердцу) А. Колесникова на фоне большого количества заказов (благоприятный период), возможность творческого поиска (по совокупности объектов) А. Юшкова.

6. Смотреть ответы на четвертый вопрос без слова «идея».

Андрей Красильников:

1. С натуры.
2. Мобильным.
3. Есть, утрачен статус: архитектор – Главный строитель.
4. Быть на гребне времени.
5. Жилой дом по ул. Лермонтова (Юшков, Третьяков, Колейкина) за нестандартный подход.
6. Да. Опоздание во всем, минимум года на 2: строительные материалы, отделочные материалы, современные технологии в строительстве. Закостенелое мышление многих заказчиков – опоздание лет на 30.

Александр Колесников:

1. На мой взгляд, сегодня происходит перелом, переосмысление самой концепции архитектурного образования в России. Ведь наш российский диплом о высшем архитектурном образовании на Западе недействителен, его необходимо подтверждать, если российский архитектор решил поработать за рубежом. Корень этой проблемы в самом принципе обучения. Мы, наследники «советской школы», учили и учим достигать выдающихся результатов на примере лучших мировых образцов архитектуры, тем самым обозначая цель обучения – формирование в стенах высших школ выдающихся архитекторов, творцов, гениев архитектуры.

Западная, Европейская в частности, высшая школа готовит прежде всего специалистов, обладающих всеми профессиональными навыками архитектурного ремесла. Такой специалист приходит в мастерскую на производство и тут же начинает работать. Наш выпускник вза, приходя на производство, год или больше адаптируется, обучается необходимым навыкам сложного многодельного и, оказывается, коллективного проектного процесса.

Многие разочаровываются, большинство одаренных, способных действительно творить молодых специалистов, но не получивших базового образования – «ремесла», так никем и не становятся – за редким исключением. Особенно остро это ощущается сегодня, когда в архитектурное проектирование пришли реальные заказчики, реальные деньги и конкуренция, когда проектный процесс коммерциализировался и молодых специалистов на производстве перестали бесплатно водить за руку и «вытирать сопли» наставники.

2. Вводимое в России законодательство в области архитектуры и градостроительства уже обозначило главный вектор в этом вопросе. Чтобы быть успешным архитектором, необходимо постоянно совершенствоваться в профессии, регулярно подтверждая свое право самостоятельно работать. А это – аттестации, лицензирование, сертифика-

ция и т.д. и т.п., т.е. процессы, требующие постоянного самообразования, самосовершенствования в профессии. Главное, чтобы это не превратилось, как сегодня, в полную профанацию.

3. Если говорить о нашей стране, то архитектор сегодня безусловно отличается от архитектора вчерашнего. Вчера архитектор был элементом или частью целостного государственного процесса проектирования, сегодня же архитектор – это достаточно самостоятельный и важный элемент правового общественного поля, через него общество в целом и отдельный гражданин как заказчик материализуют свои представления о благосостоянии, и чаще всего представления общественные не совпадают с частными.

Вот почему Союз архитекторов России, следуя мировому опыту, принял Кодекс этики архитектора (раньше его не было), в котором архитектор призван общественные интересы ставить выше частных и личных. Кстати, за нарушение этого Кодекса главный архитектор Иркутска был исключен из Союза архитекторов России. Несколько лет назад Массимилиано Фуксас, всемирно известный итальянский архитектор, сформировал это в девизе Венецианской биеннале: «Больше этики – меньше эстетики».

4. Практически все ведущие архитекторы Иркутска, с кем я общаюсь (и я в их числе), озабочены отсутствием какой-либо градостроительной политики в городе. Складывается впечатление, что нет даже желания власти, вернее, ее части в лице управлений архитектуры и градостроительства, вообще заниматься этой политикой. Нет местного градостроительного законодательства, нет градостроительной документации, нет проектов застроек улиц, площадей, микрорайонов, жилых районов и т.д., а по Российскому законодательству, документация на строительство любого объекта должна делаться только на основании согласованной градостроительной. Напрашивается вопрос: почти все строительство в Иркутске незаконно? На мой взгляд – это главное, чем необходимо сегодня зани-

маться.

5. Объект выделять не хочется, т.к. любой архитектор в любом конкретном месте сделал бы по-своему, и сегодня для иркутской архитектуры это не так важно. А вот автор, творец со своей четко выраженной позицией – как профессиональной, так и гражданской – мне интересен. Хочу назвать две фамилии, хотя список можно было бы и продолжить, но это наиболее яркие из числа близких мне по духу. Елена Григорьева и Николай Жуковский.

6. Я приехал в Иркутск 30 лет назад, попросив направление при распределении после окончания Воронежского инженерно-строительного института. Почему? Потому что в этом городе происходили большие архитектурные события и работали «большие» архитекторы – масштаба целой страны. Пестрели архитектурные журналы, об иркутских архитекторах писали книги, защищались диссертации, снимались фильмы. Практически все архитекторы периода расцвета иркутской архитектуры 1960-1980-х годов уехали. Больше никто не приезжает в Иркутск. Иркутску сегодняшнему «большим» не нужны. А жаль! Вчера «провинциальной» архитектуры Иркутска – достижение целой страны, и это радовало и вдохновляло.

Сегодня «провинциализм» в худшем понимании этого определения не только в архитектуре, но и в культуре Иркутска в целом просто удручает. Вот почему сегодня не приезжают, а в основном уезжают из этого города. Но это – мои личные ощущения, может быть, связанные с надвигающейся старостью. Ха-ха.

Юлия Лифантьева:

1. Как учить архитектуру? Вопрос не простой. Могу только ответить, что мне нравилось и чего не доставало во время учебы в университете, а также – что пришлось наверстывать уже в реальной практике.

Необходимо, чтобы студентам преподавали не только профессора-теоретики, которых я, безусловно, уважаю и ценю их преподавательский опыт, но и практикующие архитекторы – те,

Андрей Красильников

Александр Колесников

Юлия Лифантьева

что реально формируют ту архитектурную среду, что нас окружает. Они могут не только рассказать о трудностях, с которыми приходится сталкиваться в процессе проектирования и строительства объектов, но и поделиться собственным опытом, сформировать отношение студентов к профессии, к среде, к объекту, к деталям. Они могут реально оценить новые мысли и стремления студентов, наложить на них фильтр возможных «но», расставить флажки, регулирующие и упорядочивающие творческий порыв. Вот этот баланс теории и практики, гипотетического и прикладного может и, я верю, должен принести желанные плоды. А теория, развивающая фантазию, пространственное мышление и совершенно оторванная от реальности (я подчеркиваю – совершенно!) необходима на начальных курсах. Потом необходимо постепенно подводить «фундамент» под «воздушные замки» и знакомить студентов с реалиями и нормами.

2. Вот чего сегодня не хватает, так это непрерывного образования. Раньше хоть какие-то курсы были – повышения квалификации, люди ездили на стажировки, по обмену опытом. А сегодня непрерывным может быть только самообразование.

3. Сегодня я ощущаю, что архитектор – это обслуживающий персонал. Не сценарист городской жизни и пространства, а хороший обслуживающий персонал. Такой же, как юрист, хирург, бухгалтер – только результаты его труда на виду и не так преходящи, как все остальное. Такое положение архитектора связано с экономическим положением в области. В Москве, я уверена, все немного иначе. Архитектор вчера – это больше художник, чем сегодня, больше философ, больше гуманист, но меньше практик, меньше экономист, меньше революционер.

4. Глобально, мне кажется, сегодня иркутская архитектура ничем не озабочена. Очевидно, что сейчас ситуация сложилась так, что опережает, каким должен быть объект, кто угодно, но не автор-архитектор. Заказчик, чиновник – но не архи-

тектор. Поэтому у нас возникают такие объекты, которые вызывают разве что недоумение.

5. Если имеются в виду иркутские объекты и иркутские архитекторы, то я бы выделила Н. Жуковского. За его смелость в самовыражении, за то, что когда он делает объект на какой-либо конкурс, он не идет против себя, не подстраивается под заказчика и проектирует не для того, чтобы выиграть, а делает объект, от которого он получает удовлетворение. Считаю его «революционером» от архитектуры. Из его объектов мне нравится отель «Анастасия» в п. Никола.

А если говорить о мировых архитекторах, то, наверное, особенно я бы выделила Ричарда Мейера. Восхищает, насколько может быть самодостаточна архитектура как соотношение формы и пространства, что она не нуждается в цвете. Объект – Jubilee Church в Риме. Еще нравится Marc Rolinet и его L'arbresle (Франция, Версаль).

6. Что скрывать, конечно, бывает:

а) бывает, когда заложенные тобой проектные решения приходится менять, трансформировать, подстраивать под местный строительный рынок, под еще не созревших, не доросших до каких-то решений заказчиков, для которых это – слишком дорого, это – слишком сложно, а это – неудобно просто потому, что привык иначе. Конечно, можно проектировать и так, но архитектура от этого, как правило, страдает;

б) и наша провинциальность зачастую видна в том, как хорошие идеи становятся жертвами некачественно выполненных узлов, деталей. Плохой материал часто портит хорошую идею – и вот объект уже не «звенит».

Сергей Муллаяров:

1. На практике.
2. Непрерывная практика
3. Творец. Независимо от времени.

4. Безыдейное стремление следовать рыночно-конъюнктурным и административным требованиям.

5. Перро. Мариинка. Непонятно: хорошо это или плохо, но это – презентация будущего и еще одна рево-

люция в Питере.

6. Недостаточный объем интересной работы.

Наталья Носова:

1. Достаточно не простой вопрос. На мой взгляд, не зависимо от того, какую профессию человек получает, надо его научить не просто смотреть, а видеть, анализировать, формулировать, концентрировать идеи, пропускать через мозги и руки и получать результат. И, наверное, индивидуальный подход к студенту – помочь ему раскрыть творческий потенциал, особенности именно его восприятия пространства, цвета, объема, фактуры.

2. Непрерывное образование – это интерес, стремление к новым знаниям.

3. На мой взгляд, принципиально ничего сильно не меняется. Для профессионала главным остается проект (реализованный или нет). Какой бы философии, теорий, методов проектирования, стилей архитектор не придерживался, конечная цель – дом, КРАСИВЫЙ ДОМ.

4. Слишком мало информации. Журнал «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» еще слишком молодой, в газетах все политизировано, а реклама того или иного комплекса с реальностью просто не соотносится (иногда просто смешная).

5. В последнее время достаточно сильное впечатление произвел дизайнер Луиджи Колони. За свой потрясающий футуризм, в основе которого лежит постулат: природа – это начало всех начал. Дизайнер черпает вдохновение в живой природе, которой не свойственны острые углы и прямоугольная форма, и отражает в дизайне своих изделий мягкие, закругленные живые линии.

6. Груз провинции? А что такое провинция? Если понимать это как вторичность, убогость, ну так ее и в столицах хватает. В мире если границы и есть, то только в головах.

Владимир Стегайло:

1; 2. Надо учить понимание пространства, прививать чувство вкуса, понимание красоты:

а) обязательно давать студентам понимание того, что архитектор должен ре-

шать социальные интересы в увязке с частными и коммерческими, ни в коем случае не отделяя их друг от друга;

б) на средних курсах обязательно давать АЗЫ менеджмента, структуру проектного бизнеса;

в) вернуть практикующих архитекторов в обучающий процесс;

г) компьютер – это помощник архитектора, а не замена его. Архитектор все придумал, а компьютер «подает» потребителю (заказчику).

3. Высшее предназначение архитектора – служить обществу: он личность общественная. Так было всегда – в большей или меньшей степени.

В настоящее время – капитализация общества – весь вопрос в том, кто из архитекторов и насколько смог совместить многогранные функции служения обществу: социальные и коммерческие, общественные и частные, конъюнктурные. И здесь сегодняшние архитекторы создают далеко не лучшую ситуацию в истории развития архитектуры.

Не у всякого архитектора хватает профессионализма объединить часто взаимоисключающие требования, кто это может делать – тот и настоящий архитектор.

К сожалению, статус архитектора как общественно-го деятеля падает – к сожалению, в мозгах самого архитектора в первую очередь.

Суть деятельности архитектора: создание пространственной среды должно оставаться вне зависимости от этапов развития общества и исторических коллизий.

4. Иркутская архитектурная школа сформировалась в конце 1970-х – в начале 1980-х и отличалась следующими параметрами: симбиоз элементов «столичности» и признаков региональности (малый сибирский город); комплексный подход к развитию города, градостроительное осмысление всех составляющих города, создание градостроительных ансамблей.

На основе вышперечисленного: создание ярких архитектурных объектов, встроженных в существующую и вновь создаваемую среду города. Сейчас Иркутская

Сергей Муллаяров

Наталья Носова

Владимир Стегайло

архитектурная школа переживает кризис. Да, у нас есть отдельные здания и отдельные элементы города, но у нас нет самого города.

Мы теряем самостоятельность и не можем достичь признаков «столичности». Город отдельных самостоятельных зданий и амбиций отдельных архитекторов – это еще не город в его философском понимании как целостного организма. Помпезность и красивость отдельных домов на фоне разрушенной городской среды и инфраструктуры только подчеркивают удручающую картину. Произвол городских чиновников и чиновников от архитектуры привел к беспределу в сфере распределения земель, формированию инфраструктуры города и предложению «кудобных» архитекторов заказчикам.

6. Да. Это выражается в невозможности реализовать профессиональные идеи и решения во всем цивилизованном мире (и не обязательно в процветающих мегаполисах, но и в малых поселениях). Все время возникает вопрос: почему «там» получается, а у нас – нет. И вопрос не в масштабности решений – у «них» это получается даже на уровне устройства тротуаров и входных дверей.

Провинциализм проявляется в том числе и в невозможности власти, городского сообщества сформулировать, что они хотят видеть в своем городе, и полном нежелании не воспринимать предложения профессионалов или людей, кто это может сделать. Когда городу не нужен архитектор-творец, а нужен чиновник, тогда город становится провинцией.

Если город не может построить и содержать в достойном виде здания с хорошей архитектурой – это провинция. Если город не понимает своих достоинств и преимуществ перед другими городами и не желает их подчеркивать – это провинция.

Юлия Шевченко:

1. Мне кажется, нет определенно точного ответа, определенной формулы: у каждой архитектурной школы свое решение этой задачи. Университет – это только начало, безусловно, важное.

А дальше...? А дальше – учиться у профессионалов, у же на практике.

2. В Иркутске есть все для того, чтобы учиться непрерывно.

3. Мне трудно судить об архитекторе вчера и позавчера, поскольку я – начинающий архитектор. Архитектор сегодня – человек, зависящий от очень многих моментов. В первую очередь, это, конечно, существующие власти и экономическое состояние. Можно сказать, что архитектору сейчас одновременно и интересно, и сложно, и свободнее.

4. Конечно, поиск выразительных форм в архитектуре. А также наша большая задача (раз нам дана такая возможность, такое право) делать среду, в которой живет человек, качественной, красивой. Это касается и нашего города. Кажется мне, что Иркутску не хватает целостного подхода к образованию лица нового города.

5. Ричард Мейер.

6. Нет.

Александр Юшков:

1. Если вспомнить биографии великих архитекторов, можно проследить несколько обязательных моментов:

- от природы творческие способности;
- с раннего детства кто-то (родители, худ. школа) вводит в мир искусства;
- с юности – путешествия по миру, знакомство с архитектурой различных культур;
- хорошая архитектурная школа, и после – первые годы работы с мастером.

3. Да, на мой взгляд, в статусе есть различия. До революции статус архитектора (так же, как и врача, адвоката) был гораздо более значим. Возможно, мы вернемся к нему завтра? По сути же архитектор всегда творец.

4. Я думаю, главная задача иркутской архитектуры из XIX века перебраться в XXI век.

5. Наверное, современной Ле Корбюзье до сих пор никого нет. «Пионеров» новой архитектуры никто не обогнал. Капелла в Роншане поражает новизной форм, сочетанием разных стилей, изумляет зримым присутствием разных культур! Для середины XX века – это инопланетное сооружение.

6. Для архитектора груз

провинции неподъемен. Отсутствии технологий, материалов, мизерные масштабы капитальных вложений и совершенно недостаточная оплата нашего труда превращают творческий процесс в вечный бой с заказчиками, подрядчиками и самим собой.

Александр Яковлев:

1. Исходя из постулата «Книги пишут не для писателей, а для читателей», учить пониманию хорошей архитектуры, как, впрочем, и литературы, нужно как можно раньше и как можно большее количество детей, не обязательно потенциальных архитекторов. Почему дух прекрасного потерян в народе? Этот раздел знания стало стыдно называть термином «Строительное искусство». Чувство гармонии строений и природы, например, присутствует на объектах Кругобайкальской железной дороги, постройки столетней давности, и полностью отсутствует в поселке Листвянка, на курорте Аршан. Положительная тенденция к качеству архитектуры, понимание необходимости привлечения профессионалов у заказчиков постепенно, с приходом рыночной экономики, просыпается.

2. Кто-то из великих сказал: «Человек начинает стариться тогда, когда утрачивает способность учиться». Повышать знания, совершенствоваться по профессии необходимо на протяжении всей творческой жизни. Хорошо, когда начало архитектурного творчества, хотя и только «бумажного», приходится на начальную школу, но, к сожалению, это возможно в крупных культурных центрах, при Союзе архитекторов или архитектурном вузе. Ведь профессия, по большому счету, штучная, как в балете.

3. Профессия архитектора всегда была престижна и, видимо, будет таковой в обозримом будущем. На моей памяти регресс наблюдался в 60-80 годы: время панельного домостроения, борьбы с архитектурными излишествами, запрещением применения металлических кровель, мрамора, гранита, ковки, литья. Архитектор в то время перестал быть «первой скрипкой», его роль

сводилась к выполнению па спорта отделки фасада. Сегодняшняя тенденция, когда архитектор проектирует «коробку» и фасады, а приглашенный заказчиком дизайнер «прячет» конструкции интерьеров, тоже не верна. Мне больше интересна роль архитектора в будущем, когда будут использоваться новые строительные технологии, конструкции, отделочные материалы, хотя в основе остаются все те же извечные геометрические формы: конус, куб, шар.

4. В первую очередь, это транспортная проблема. Жаль, что в обозримом будущем отказались от строительства моста в створе улицы Декабрьских Событий. Новый мост в районе улиц Советских не решит проблему, это «Тришкин кафтан». Мост в створе Декабрьских Событий позволил бы освоить и поднять статус целого района напротив исторического центра города. Необходимо также перенести рынок «Шанхай», решить проблему парковок у крупных торговых центров, вообще проблему центра города, реконструкцию, сохранение, реставрацию исторических зданий, их приспособление с полным инженерным обеспечением.

5. Трудно выделить одного архитектора, тем более иркутского. Хотелось бы отметить комплексы жилой застройки архитекторов А. Юшкова, А. Красильникова, В. Стегаило, А. Колесникова, реконструкцию и реставрацию «Пельменной» А. Крутикова.

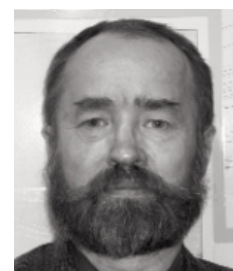
6. Видимо, не давит. Я родился, учился и реализовался как архитектор, в основном реставратор, именно в Иркутске, где памятники деревянного зодчества мирового уровня, что признают все. Другое дело, если бы мне прежде «выпало счастье творить» в Лондоне, Риме, Париже и т.д., а затем попасть в Иркутск, возможно, этот комплекс и был бы, а так мне не с чем сравнивать. Чужие работы здесь не в счет. Хотя здоровые чувства амбиций, карьеризма не вредят. Но ощущать высоту своей планки еще полезнее.

Юлия Шевченко

Александр Юшков

Александр Яковлев